

Русская жертва Хиросимы

Можно предположить, что Федор Парашутин и его жена были единственными русскими, кто 6 августа 1945 года с многими тысячами японцев разделили атомный кошмар Хиросимы. Но это не помешало бывшему уральскому крестьянину дожить до 90 лет.

Из крестьян в бизнесмены

РОДИЛСЯ он в конце позапрошлого века в деревне неподалеку от г. Воткинска. До того как его в августе 1917 г. призвали на службу в царскую армию, успел обзавестись семьей. Дочери Елене было в ту пору всего два годика, а сына Андрея он вообще впервые увидел, лишь когда с войсками Колчака проходил мимо родной деревни. Федор тогда взял детей на колени и заплакал: "Чует сердце - не видать мне их больше". Предчувствия его не обманули. Почти.

Отступая все дальше с армией Колчака, он оказался в Маньчжурии, на территории Китая. Опасаясь возвращаться в красную Россию, обосновался в Харбине, где тогда жило немало русских. Пошел в приказчики к торговцу, тоже русскому. Бездетный хозяин решил сделать его своим наследником, а над мечтой Федора вернуться в Россию только посмеивался: "Не видать тебе, парень, родных как своих ушей. В той стороне твоя смерть гуляет". В конце концов убедил его вновь жениться на русской и сам сыграл названому сыну богатую свадьбу.

И все же в 1925 г. Федор написал письмо родному брату, осторожно выясняя, можно ли ему приехать обратно. И хотя получил положительный ответ, все же так и не решился вернуться. Видимо, не хотел испытывать судьбу, но она ему все равно уже готовила неожиданные повороты.

В 1926 г. Федор с женой переезжают в Японию и поселяются в Хиросиме. Пришлось осваивать японский язык. Поначалу каждое услышанное новое слово скрупулезно записывали и повсюду ходили с бумажками-подсказками. Но потом все наладилось: Федор открыл в Хиросиме магазин европейской одежды, который приносил неплохую прибыль. Уже к началу 30-х годов супруги имели активно развивающийся бизнес, двухэтажный дом, автомобили.

А вокруг умирали и умирали люди...

УТРОМ 6 августа 1945 г. (8 ч. 15 мин.) Федор с женой Александрой были дома. Неожиданно раздался оглушительный грохот и стало вдруг очень темно. Через секунду стены зашатались, Александра успела выскочить, а Федора придавило досками обрушившегося дома. Раздирая на себе одежду и кожу, он все-таки сумел выбраться из развалин. Но из-за сплошной темени и пыли было неясно, куда бежать. На мгновение откуда-то появился узкий спасительный просвет. Александра кинулась туда, Федор - за ней. Они успели вовремя: стоявшее неподалеку высокое здание больницы тоже рухнуло. От нее к ним бежали чудом оставшиеся в живых врач и две его маленькие дочки. Доктор передал девочек Федору с женой и громко прокричал им вслед: "Скорее к реке! Лейте на себя воду!" А сам бросился назад спасать раненых. Вечером этот врач отыскал их у реки. Горячо благодарил, забирая дочек, а утром они вновь увидели его и узнали, что ночью обе малышки умерли.

Еще неделю вместе с другими уцелевшими хиросимцами провели они на берегу, с головы до пят обливаясь водой. Накрывались рогожей и ждали горшочки с кашей, которые привозили каждое утро и вечер. А вокруг них на берегу все умирали и умирали люди...

Федор и Александра выжили, но за минуту потеряли все свое имущество. В то время все выходцы из России поддерживали друг с другом довольно тесные связи. К такому знакомому по имени Василий, живущему в г. Кобе, были вынуждены уехать Федор с женой. Местные жители, узнав, что в Кобе находятся пострадавшие из Хиросимы, приносили им кто что мог: одежду, посуду, еду. Парашутину вновь пришлось начинать с нуля, занимаясь мелкооптовой торговлей. Работая не покладая рук, из нужды он выкарабкается, но развернуться, как прежде, уже не сумеет, все сильнее будут сказываться на

здоровье последствия атомной бомбардировки. У него разовьется рак гортани. После операции говорить он сможет только при помощи специального аппарата. До конца жизни его будет опекать Комитет жертв Хиросимы.

Важной вехой в жизни Федора Парашутина станет его избрание в 1953 г. старостой и казначеем православной церкви Святых апостолов Петра и Павла. Была она небольшая, деревянная. А в 60-е гг. при личном участии Федора и в том числе на его щедрое пожертвование строится уже каменная церковь с тем же названием.

Дочь "изменника родины"

В 1967 г. в Воткинск пришло письмо из Японии от давно пропавшего мужа и отца. Оказывается, он живет в Японии. Но сын Андрей заявил: "Письмо от изменника родины даже в руки брать брезгу". Так Федор Парашутин получил ответ не от сына, как ожидал, а от дочери Елены. Начал с ней переписываться, потом стал посылать валюту, которая в Москве переводилась на чеки Внешпосылторга.

Похоронив жену, Федор в 1980 году пригласил Елену приехать в гости. Но в советском посольстве ему как потерявшему национальную принадлежность отказали. Он не отступился, но хлопоты заняли почти два года. Елену вызывали в КГБ, стыдили, что она поддерживает отношения с изменником родины, требовали от нее письменно отказаться от встречи с отцом, грозили не пустить обратно в страну. Но неграмотная деревенская женщина не испугалась, продемонстрировав властям завидную твердость и чувство собственного достоинства. А после подключения к процессу Комитета жертв Хиросимы и Японо-советского общества дочь наконец смогла выехать к отцу.

Встреча состоялась через 63 года после разлуки. Отцу было 87 лет, дочери - 65. Об этом как об особом событии сообщали тогда многие газеты Японии. Из различных городов страны специально ехали русские эмигранты, чтобы только поговорить с женщиной из советской России, из первых уст услышать, какая жизнь сейчас на их родине.

Собираясь за рубеж, Елена, разумеется, надела свою лучшую одежду - желтую шерстяную кофту и яркий цветастый платок. Увидев этот наряд, в котором гостью возили по представительствам и мэриям, русские пришли в ужас и выдвинули Федору условие: привести дочь в цивилизованный вид. Отец повез дочь в магазин модной одежды и парикмахерскую. Когда через месяц преобразенная Елена вернулась в Россию, ее, в свою очередь, долго не могли узнать домашние: они ведь ожидали бабушку в платочке.

Теперь отец и дочь могли подолгу беседовать. Федор узнал, как тяжело, как голодно жила оставленная им в России семья, что Елена все детство носила унижительную кличку "белобандитский щенок", что они выжили только благодаря "красным" братьям Федора, что его служба в армии Колчака и через много лет еще аукалась семье: муж Елены - секретарь комсомольской ячейки - был исключен из рядов ВЛКСМ как "белобандитский зять", с той же формулировкой его признали недостойным службы в армии. Это тогда считалось страшным позором. Федор слушал, плакал и без конца повторял: "Прости".

Все вокруг убеждали Парашутина оставить Елену в Японии, но он сказал: "Я всю жизнь страдал, потеряв свою землю, близких, и не могу позволить, чтобы Елена тоже узнала, что такое тоска". Но и уехать с дочерью у него тогда не хватило решимости, о чем он потом горько сожалел. Проводив Елену, он практически сразу начал готовить документы для ее следующего приезда. Теперь он намеревался продать все свое имущество и вместе с дочерью вернуться на родину, ставшую Советским Союзом.

Второе посещение Японии стало для Елены печальным: она застала отца уже полностью парализованным в токийской больнице. Говорить он не мог. Через неделю Федор Парашутин умер. Похоронили его на православном кладбище в Кобе.

Р. С. Семье Елены известно, что при сильном землетрясении в Кобе в 1995 г. дома Федора Парашутина

уцелели. Но, к сожалению, они не знают, сохранилась ли церковь и в каком состоянии находится кладбище.